

Казанский федеральный университет
Институт международных отношений
Институт восточных рукописей
Российской академии наук

Kazan Federal University
Institute of International Relations
Russian Academy of Sciences
Institute of Oriental Manuscripts

*Посвящается 185-летию создания
кафедры монгольской словесности в Казани*

Казанский федеральный
УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ
международных
отношений

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
Первые Ковалевские чтения

24-26 сентября 2018 г.
г. Казань

**ПРОГРАММА
ТЕЗИСЫ**

Казань – Санкт-Петербург
2018

Монгольские сонники: проблема происхождения

К числу манускриптов, связанных с повседневной жизнью монгольского кочевника и его верой в чудесное, относятся многочисленные сонники. В г. Улан-Баторе, в коллекции квартиры-музея академика Ц. Дамдинсурэна (в число интересов которого входила и бытовая магия) имеются четыре сонника — МН 263, МН 1027, МН 1037, МН 1090. Трудно сказать о периоде создания, или, может быть, постепенного формирования этих сочинений, а тем более об их авторстве — они сами не содержат сообщений на этот счет, а списки, дошедшие до нас, относятся главным образом к XIX или началу XX в.

Две рукописи явно восходят к одному источнику, это МН 1027 и МН 1037. Тексты фрагментарно совпадают лексически, последовательность их изложения и содержание явно схожи. Текст МН 263 отстоит от первых двух, однако логика его близка им. Если МН 1027 и МН 1037 описывают приметы сначала хороших, а потом дурных снов, МН 263 повествует об этом более или менее смешанно, хотя такое деление в несколько размытом виде наблюдается тоже. Четвертый текст из собрания Ц. Дамдинсурэна — МН 1090 стоит особняком. Он посвящен отвращению дурных снов, его чтение должно было устранить и подавить злые силы, о действии которых говорит та или иная примета. Его вариант на ясном письме также хранится в ИВР РАН (В 234). Таким образом, данные сонники распадаются на два варианта.

Многие комплексы верований у монголов состояли, как правило, из нескольких слоев: «добуддийского» и «докитайского», который условно можно было бы назвать «монгольским», и — соответственно — «буддийского» и «китайского». Сколько в «буддийском» слое «индийского», а сколько — «тибетского», сколько в «монгольском» — «монгольского», «тюркского» или какого-нибудь еще — вычислить бывает нелегко.

К индийскому слою в данных сочинениях с определенностью можно причислить зачин, характерный для буддийских сочинений, — поклонение буддийскому божеству Манджушри (МН 263, 1а;

МН 1027, 1а; МН 1037, 1а) или Будде, его учению и буддийской общине (МН 1090, 1а), причем, прибавление к начальной формуле поклонения Учителю явно относится к традиции желтошапочной секты, а, следовательно, — к тибетскому слою (МН 1090, 1а). Также здесь следует назвать упоминание других буддийских божеств — Ваджрапани (МН 1027, 2б; МН 1037, 5а), персонажей индийской мифологии — Раху (МН 263, 1а), виды буддийских высших существ — будд (МН 1027, 2а–б; МН 1037, 5а), бодхисаттв (МН 1027, 2а–б; МН 1037, 3б, 5а), татхагат (МН 1037, 3б–4а;), махасаттв (МН 1037, 3б;), идамов (МН 263, 3а), архат и практьекабудд (МН 1037, 4б), шраванов (МН 1037, 4б). Использование в текстах дхарани (МН 1027, 4б; МН 1090, 5б–ба), по-видимому, также указывает на буддийский слой.

Менее явны, но более любопытны для данного пласта указания на реалии социальной организации, отраженные в текстах. Например, в тексте МН 263 многократно упоминается деление на царей, аристократов, простолюдинов, к ним прибавляются и рабы (3а), что очень похоже на кастовое деление в Индии. Можно предположить, что детали хозяйственного быта и обычаев — ловля и варение рыбы (МН 263, 4б), собирание ягод, цветов и зерна (МН 1027, 1а), собирание плодов на деревьях (МН 1027, 2а), сеяние и собирания урожая зерна (МН 263, 2а; МН 1027, 2б), опускание покойников на воду (МН 1027 4а), поедание трупов (МН 263, 3а) — из того же ряда, т.е. уходят корнями в индийскую или тибетскую культуры.

МН 1037 по сравнению с МН 263 и МН 1027 в большей степени подвергся буддийской обработке. Это видно по массивному упоминанию буддийских божеств и реалий. При этом в нем меньше указаний на социальные различия. Также показательны в этом плане стилистические и грамматические сдвиги в тексте, которые могут указывать на его переводной характер. Это позволяет предполагать, что МН 1037 несет в себе больше тибетских черт.

Выделение собственно монгольского слоя затруднено. Конечно, упоминания верблюдов (МН 263 3б), вольной скачки на хорошем коне (МН 263 4а), скелета, лежащего в степи (МН 1027 3а), могут указывать на него, но не очевидно. Можно лишь предположить, что на монгольской почве были сделаны некоторые прибавления. В Q 672 намного обширнее фрагменты об овцах, коровах и верблюдах, что, конечно, позволяет предположить о влиянии кочевого быта монголов.

«Китайский» пласт в сонниках из исследуемых коллекций проявлен тоже не ясно, если не сказать, что не виден вообще. Это довольно примечательный факт, так как большинство гадательных практик монголов в той или иной степени несут на себе влияние китайской культуры, где таковые были развиты широчайшим образом [C.R. Bawden. On the practice of scapulimancy among the Mongols // Central Asiatic Journal, Vol. 4, No 1, P. 1–44].

Таким образом, можно сделать осторожное заключение, что сонники, имеющиеся в коллекции акад. Ц.Дамдинсурэна, восходят к индийской традиции, переработанной на тибетской почве.

Л. Цэрэнчимэд

DOI 10.25882/ehxf-y109

Смысловые особенности парных параллелизмов в некоторых фразеологизмах бурятского диалекта

Основные единицы языка делятся на текст, предложение, слово и морфемы. В современном языкознании основные и вспомогательные единицы делятся по структуре, смысловому единению на свободные и не свободные. Такие учёные, как Чой. Лувсанжав, Г. Аким, Д. Бадамдорж, Ж. Төмөрцэрэн, М. Базаррагчаа, Б. Пүрэв-Очир, Ж. Баянсан, Ч. Догсүрэн, Д. Баттогтох, и Ж. Бат-Ирээдүй внесли свой вклад в изучение фразеологии и парных слов монгольского языка. Их мнения имеют некоторые разногласия по вопросам структуры, смысловому типу, каждый исследователь изучает со своей точки зрения: смысл, структура, грамматика, мышление, обычай, общество и культура.

Образование парных параллелизмов в монгольском языке и диалектах изучено учёными с разных сторон: с точки зрения языка и речи, и культурного мышления. В монгольском языкознании парные слова больше изучены со стороны формы и структуры и ныне возникают необходимость рассмотреть этот вопрос в таких аспектах как: речь-познание, повествователь-употребитель, смысл-культура и оптимальное применение. В данной статье мы обратили внимание на вопрос, что парные параллелизмы бурятского диалекта как входят в состав фразеологизмов, и как выражает особенности в смысловом,